

Я. Н. ЛЮБАРСКИЙ

ИСТОРИЧЕСКИЙ ГЕРОЙ В «ХРОНОГРАФИИ»  
МИХАИЛА ПСЕЛЛА

Редкий медиевист, в той или иной связи упоминавший «Хронографию» Пселла, мог удержаться от восхищения умением писателя рисовать своих героев. Восторги ученых тем сильнее, что мастерство Пселла почти не находит параллелей в византийской литературе до XII в. и его характеристики одинаково далеки как от формальных определений хроник, так и от цветистого энкомиастического стандарта. Это заставляло искать аналоги искусству византийца в поэзии Ренессанса или даже более позднего времени, а истоки его творчества находить в эллинистической литературе с ее вниманием к человеческой личности<sup>1</sup>.

Однако изумление мастерством писателя как правило не влекло за собой изучения «техники» пселловских характеристик. Такое исследование было не в традициях классического византиноведения, сказывалось, видимо, и вполне обоснованное опасение неосторожной рукой разрушить очарование искусства писателя.

Впервые специальный раздел системе образов Пселла посвятил Е. Рено в большом труде о языке и стиле византийского писателя<sup>2</sup>. Но строгая систематизация, отличающая книгу в целом, в этом разделе сменяется эмоционально-импрессионистическим изложением. Е. Рено говорит о «творческой силе» писателя, о его даре «оживлять предметы и лица», о «зоркости взгляда» и «уверенной руке» в изображении персонажей, приводит много цитат, надежно подкрепляющих его оценки, но никак не раскрывающих сущности пселловского искусства. Единственное наблюдение, приводимое в этой связи, — обыкновение Пселла сначала давать своему герою характеристику «в общих чертах», а затем расширять и дополнять ее рядом деталей<sup>3</sup>.

Появившаяся спустя 20 лет уже упомянутая статья К. Свободы касается больше собственных взглядов писателя на человеческую личность, чем мастерства Пселла-художника, и содержит справедливые и ценные наблюдения, что, согласно воззрениям автора «Хронографии», человек представляет собой существо сложное и изменчивое, в котором сосуществуют дурные и добрые качества.

<sup>1</sup> См., например: К. Svoboda. Quelques observations sur la méthode historique de Michel Psellos. — «Сборник в память на проф. Петр Ников». София, 1940, стр. 388: «Где усвоил Пселл это искусство изображения человека, искусство, которое не раз заставляет нас вспоминать новых поэтов: Марло, Шекспира, Достоевского?» Ср. также: J. Hussey. Michel Psellus, the Byzantine Historian. — «Speculum», X, 1935, 1, p. 81.

<sup>2</sup> Е. Renauld. Etude de la langue et du style de Michel Psellos. Paris, 1920, p. 505 sq.

<sup>3</sup> Подробнее об этом см. в нашей статье «О жанровой и композиционной специфике «Хронографии» Михаила Пселла». — ВВ, 31, 1971, стр. 30 сл. Эту статью, тесно связанную с настоящей работой, мы часто вынуждены цитировать в дальнейшем.

В то время как специалисты-византилисты только ищут подходы к анализу психологического и художественного мастерства писателя <sup>4</sup>, Пселл — художник и психолог стал предметом особого внимания авторов двух обобщающих трудов, посвященных грандиозной проблеме изображения человека в литературе <sup>5</sup>. В книгах П. Кирна и Г. Миша нет скрупулезности специального исследования, зато сохранена перспектива, возможная только при широком привлечении материала. По сути дела П. Кирн, неоднократно упоминающий Пселла и посвятивший ему специальный очерк в конце книги <sup>6</sup>, почти не делает новых наблюдений <sup>7</sup>. Однако художественные принципы византийского автора прямо или косвенно сопоставляются с позицией античных и средневековых писателей и его творчество как бы включается в круг европейской литературы.

Г. Миш (его фундаментальное исследование специально посвящено истории автобиографии, тем не менее ученого интересуют и общие принципы раскрытия характера) ищет источники представлений Пселла об изменчивости человеческой природы у Плутарха и Полибия и еще дальше, в диалектике Гераклита, а их появление объясняет «бесхарактерностью», «непостоянством» и иными моральными дефектами самого писателя. К оценке психологического и художественного искусства Пселла Миш подходит с точки зрения современного исследователя, не только знакомого с новейшими теориями, но и читавшего Толстого, Достоевского, Кафку и т. д. «Пселл, — пишет ученый, — видит связь внешнепротиворечивых черт героя, но далек от того, чтобы за этой внешней связью увидеть «единую силу, заложенную в персонаже» (S. 804). Дальше Миш более определенно называет эту «силу» «духовно-нравственным ядром личности» (S. 819). Как ни талантлив Пселл, он, по Мишу, разделяет ограниченность других средневековых писателей: феноменальная индивидуализация личности сочетается у него со схематическим изображением ее сущности.

Среди наблюдений и замечаний Миша немало верного и интересного, вряд ли, однако, методологически правильно оценивать средневекового писателя с точки зрения того, в чем он «дотянул», а в чем «не дотянул» до современного уровня.

\* \* \*

Нетрудно заметить, что разговор об образной системе Пселла исследователи начинают с анализа собственных воззрений писателя. Это не удивительно: взгляды склонного к анализу и самоанализу рационалиста Пселла немало дают для понимания его художественного метода. При этом интересней, как правило, оказываются не пространственные рассуждения, касающиеся «метафизики души» <sup>8</sup>, а мимоходом брошенные замечания в связи с характеристикой того или иного персонажа.

<sup>4</sup> Отдельные интересные наблюдения над художественным методом Пселла содержатся в разделе о литературе «Истории Византии» (т. 2. М., 1967, стр. 379—380).

<sup>5</sup> P. Kirn. Das Bild des Menschen in der Geschichtsschreibung von Polybios bis Ranke. Göttingen, 1955; G. Misch. Geschichte der Autobiographie, Bd. 3, Hälfte 2. Frankfurt, 1962, S. 760—830.

<sup>6</sup> P. Kirn. Op. cit., S. 164—174.

<sup>7</sup> Как и другие авторы, Кирн говорит о «проникновенности» и «психологической тонкости» Пселла, о его представлении об изменчивости и сложности характера. Справедливым представляется нам наблюдение автора о том, что в «Хронографии», в отличие от риторической эпопеи, события и поступки героев определяются их характером, который в свою очередь меняется под воздействием внешних событий.

<sup>8</sup> Теории Пселла о душе излагаются и анализируются в кн.: Ch. Zervos. Un philosophe néoplatonicien du XI<sup>e</sup> siècle Michel Psellos. Paris, 1920, p. 148 sq.; P. Joannou. Christliche Metaphysik in Byzanz, I. Die Illuminationslehre des Michael Psellos und Iohannes Italos. Ettal, 1956, S. 87 ff. Cp. также: L. Benakis. Michael Psellos Kritik an Aristoteles und seine eigene Lehre zur «Physis»-und «Materie-Form» Problematik. — BZ, 56, 2, 1963, S. 213 ff.

В большинстве случаев Пселл опирается на античные теории от Аристотеля до неоплатоников, а также на сочинения отцов церкви. Насколько приводимые мнения

Искусство психологического проникновения, поражавшее новейших ценителей творчества Пселла, было вполне осознано и, более того, составляло предмет гордости самого писателя. «... Я проник в твою душу и понимаю тебя лучше, чем ты самого себя; хочешь, я коротко представлю, каков ты душой,» — пишет он митрополиту Амасии<sup>9</sup>. «Как никто другой, — похваляется Пселл, — способен я распознавать людей и посредством чувств своих, как сквозь двери, проникать в душу и постигать ее, отраженную в бровях и глазах»<sup>10</sup>.

Каковы же общие представления Пселла о человеке и его характере?<sup>11</sup>

Явно не без воздействия аристотелевской этики Пселл высказывает суждение, согласно которому в человеке врожденные свойства, составляющие его природу (*φύσις*), сочетаются с приобретенными в результате воспитания и жизненной практики (последние образуют его *ἦθος* или *τρόπος*). Так, умерший брат некоего Актуария характеризуется Пселлом отдельно «по природе» и «по нраву», причем специально отмечается, что «один от родителей, другой — от воспитания» (Bibl. gr., V, p. 97)<sup>12</sup>.

Наряду с делением человеческих свойств на врожденные и приобретенные, Пселл различает в душе человека два начала: разумное (*ἡ λογικὴ φύσις τῆς ψυχῆς*) и неразумное (*τὸ ἄλογον*) (Bibl. gr., IV, p. 331—332). Более подробно эта мысль развивается в письме к Яситу: «Так вот природа наша составлена. Мы представляем собой смешение разумного (*τὸ λόγος ἐστὶ*) и неразумного (*ἄλογία*), причем разумного в нас меньше, чем неразумного. В первом из них — мысль (*διάνοια*, имеется в виду практический ум. — Я. Л.), по которой мы существуем, во втором — чувственное восприятие, представление, воображение и большинство мнений (*αἰσθησις, φαντασία, τῆς δόξης τὸ πλεόν*). Из этих свойств (*δυνάμεων*), разумных и неразумных, мы состоим, и никто из нас не является только разумным или только неразумным. Разуму, как господину и царю, необходимо владычество над тем, что ниже его и чем он управляет, как конем и колесницей. Поэтому служат ему органы чувств, восприятие, впечатле-

соответствуют собственным представлениям Пселла, часто остается неясным. К задаче настоящей работы пселловская метафизика души почти не имеет отношения уже хотя бы потому, что вне тела, «сама по себе» (*αὐθόπαρκτον*), душа, по Пселлу, вообще лишена каких бы то ни было индивидуальных черт, которые она приобретает, только соединившись с телом.

<sup>9</sup> *Michaeli Pselli Scripta minora*, vol. II, ed. E. Kurtz, Fr. Drexl. Milano, 1941 (далее — Scr. min.), p. 162.

<sup>10</sup> Scr. min., vol. I. Milano, 1936, p. 77; См. также: Scr. min., vol. II, p. 12; K. Sathas. *Bibliotheca graeca medii aevi*, V. Milano, 1876 (далее — Bibl. gr.), p. 20.

<sup>11</sup> Для обозначения понятия «характер» Пселл пользуется несколькими терминами: *ἦθος*, *τρόπος*, *γνώμη*, *διάθεσις*. Это же значение имеет в ряде случаев и *χαρακτήρ*, перешедшее затем в большинство европейских языков. Было бы чрезвычайно интересно проследить эволюцию этих понятий у византийских авторов. Однако и без специального исследования можно отметить различие в их значениях у Пселла и античных писателей; у последних слова эти чаще всего употребляются для обозначения характера «общего типа», «типического», «нормированного» (ср. словарь Liddell-Scott's a. v. *χαρακτήρ* 4. Type or character (regarded as shared with others) of things or person, rarely of an individual nature). См. об этом: A. Körte. *Χαρακτήρ* — «Hermes», 64, 1929; O. Thimme. *Φύσις, τρόπος, ἦθος*. Diss... Quakenbrück. Напротив, словоупотребление Пселла приближается к современному бытовому («Характер — совокупность основных наиболее устойчивых свойств человека, которые проявляются в его действиях и поступках». — БСЭ, т. 46, стр. 66).

Оставляя в стороне другие термины, укажем, что слово *χαρακτήρ* в этом значении используется у Пселла, например: *Michel Psellos. Chronographie, ou histoire d'un siècle de Byzance (976—1077). Texte établi et traduit par E. Renauld*, I. Paris, 1926 (далее — Chron.), p. 130; II. Paris, 1928, p. 85; Scr. min., I, p. 207.

<sup>12</sup> Ср. в «Монодии эфесскому митрополиту Никифору»: «Твоя природа уже с ранних лет, как чистая табличка, готовая принять письмена прекрасного характера (... *εἰς ἐγγράφην χαρακτήρος ἀμείνονος* — Scr. min., I, p. 207). Подробнее о «врожденных» достоинствах и недостатках, которые, в отличие от «добродетелей нравственных или политических», свойственны человеку с самого начала, см.: Chron., I, p. 139; ср. также Chron., I, p. 60, где *ἡ φύσις* = *τὸ ἐμφυτον ἦθος* («врожденный нрав»).

ния и постигающее их смысл мнение, желание внешних благ, благородный и воинственный дух, вождение и прочие проявления наших свойств» (Bibl. gr., V, p. 435—436). Из приведенных слов ясно: помимо разума, Пселл признает в человеке не контролируемую рассудком сферу, в которой наряду с первыми ступенями познания (чувственное восприятие, представление, мнение) объединяется то, что, пользуясь современными определениями, можно было бы назвать областью подсознательного и инстинктивного<sup>13</sup>.

Уже говорилось о настойчивом повторении Пселлом тезиса, согласно которому человеческий характер не является статичным и цельным, а, напротив, подвижен, изменчив и противоречив. В наиболее законченном виде эта мысль выражена в «Хронографии» в связи с рассказом о Константине IX Мономахе<sup>14</sup>. Главное свойство характера императора, по Пселлу, — это «соседство противоположностей» (ἡ τῶν ἐναντίων γειτνίασις). Ни один из императоров не остается неизменным до конца своих дней: одни из них становятся лучше, другие — хуже. Противоречивость и изменчивость природы, однако, не составляют привилегии одних императоров (последним она свойственна лишь в большей степени, чем обычным людям). Сдвиги в характере происходят под воздействием внешних причин («изменчивое существо человек, особенно если серьезные поводы для изменений находятся вне его». — Chron., II, p. 154). Впрочем, имманентные причины упоминаются Пселлом как нечто само собой разумеющееся<sup>15-16</sup>. Представление о человеке как существе противоречивом и изменчивом Пселл с готовностью распространяет и на самого себя.

Можно сказать и больше: подчеркивание в объекте противоположных сторон становится для Пселла чем-то вроде привычной нормы и даже своего рода риторического штампа. Очень многие герои энкомиев, монодий и иных ораторских сочинений представляются писателем как смешение самых разных несовместимых добродетелей и свойств<sup>17</sup>. В большинстве этих случаев за обилием антитез нет попытки проникнуть в истинную противоречивость персонажа, и сам «диалектизм» низведен до уровня формального приема. Но как раз эта «формализация» и характерна, она показывает, насколько укоренился в сознании Пселла тот подход к изображению человека, который с известной мерой допущения можно называть диалектическим.

Как уже говорилось, Г. Миш видит истоки подобных воззрений в античной диалектике, пришедшейся по вкусу бесхарактерному и «испорченному» Пселлу. Думается, однако, что дело не только в античных реминисценциях и в моральной неполноценности самого писателя.

<sup>13</sup> Сам Пселл признает античное происхождение представлений о «разумной и неразумной части души» (Bibl. gr., IV, p. 354). Эти взгляды, видимо, восходят к стоической этике.

<sup>14</sup> Chron., I, p. 129—131.

<sup>15-16</sup> См.: Scr. min., II, p. 62. «Находясь вне тела, душа недоступна изменению и преобразованию, но, пребывая в теле, обладающем пестрым многообразием, она изменяется и преобразуется не только под воздействием свойственных ей страстей (τοῖς συμφύτοις παθήμασι), но и из-за внешних обстоятельств. Ведь душа занимает среднее положение, ей присущи не только пороки или добродетели, но и противоречивые свойства».

<sup>17</sup> Приведем некоторые примеры. Михаил Дука, по Пселлу, — «смешение противоположностей» (μῖξις τῶν ἐναντίων), он соединил в себе «высоту и глубину, царское величие и умеренность» и т. д. (Scr. min., II, p. 42). Кесарь Иоанн Дука соединил несовместимые свойства (ἀμικτα πράγματα): «острый ум и скромность, несравненный ум и неподражаемый нрав» (Scr. min., II, p. 66). Обладала «смешением противоположного» (τὰς τῶν ἐναντίων μῖξις) и мать Пселла (Bibl. gr., V, p. 15). Ср. характеристики Романа Диогена (Bibl. gr., V, p. 228), Михаила Кирулария (Bibl. gr., IV, p. 378), Константина Мономаха (Bibl. gr., IV, p. 430) и др. «Совмещение несовместимого» в большинстве случаев не только отмечается, но оказывается лейтмотивом всей характеристики. Все примеры заимствованы из ораторских сочинений, отличных по методу от «Хронографии», о которой пойдет речь ниже.

Мышление Пселла, образованнейшего человека своего времени, было без сомнения приучено к всевозможным диалектическим ходам, столь свойственным как неоплатонической философии, так и православной теологии, к объединению которых стремился писатель.

Оставляя в стороне другие общеизвестные философские противоречия, которые неоплатоники и христианские теологи пытались решить с помощью диалектических допущений, напомним, что с богословской точки зрения человек и был как раз классическим примером «совмещения несовместимого». Человек «смертен и бессмертен», «велик и ничтожен», он «необычайное смешение противоположностей» (*παράδοξος κράσις τῶν ἐναντιῶν*), — пишет в «Слове о душе» современник Пселла Никита Стифат<sup>18</sup>. Что касается взгляда на человека как на существо непостоянное и изменчивое, то он, возможно, вообще не был особенностью мировоззрения Пселла, а входил в систему этических представлений византийцев той поры. Во всяком случае другой современник Пселла, не отличавшийся, видимо, глубокой образованностью, Кекавмен замечает: «Природа людей изменчива и непостоянна (*ῥευστή καὶ τρεπτή*), иногда она изменяется от хорошего к дурному, а иногда склоняется от дурного к хорошему»<sup>19</sup>.

Для оценки позиции Пселла не столь важно, однако, установить источники воззрений, сколько понять их функции в общих этических концепциях писателя.

Изменчивость и противоречивость, по Пселлу, — норма человеческого характера, в то время как постоянство и монолитная цельность — исключение. «Ты небесный ангел. . . я же таков, как есть, разумная природа, соединенная с телом. . . Я признаю, что я человек, существо изменчивое и непостоянное. . . Ты же один из всех (выделено нами. — Я. Л.) неколебимый и неизменный», — пишет Пселл патриарху Михаилу Кируларию (*Bibl. gr.*, V, p. 506)<sup>20</sup>. Люди типа Кирулария, суровые и железные (так мы переводим греческое *ἀδαμάτινος*), недоступные простым человеческим слабостям, вызывают неизменное отвращение писателя. Так, после весьма злой характеристики Льва Параспондила — «первого министра» императрицы Феодоры, человека неученого, мрачного, умеющего только «молчать и потуплять взор», Пселл пишет: «Я, конечно, восхищаюсь таким типом характера, считаю его подходящим для веков, а не для времени, для жизни будущей, а не настоящей. Неумолимость и бесстрастность я ставлю превыше всего и сверх всего в мире, но земная жизнь, поскольку она проходит среди людей, более приспособлена к настоящему времени. Телесной жизни больше соответствует чувствующая часть души» (*Chron.*, II, p. 75). Много раз, часто с определенным полемическим оттенком, пишет Пселл о мягкости, податливости своей натуры, подверженной всем внешним влияниям<sup>21</sup>.

В своих теоретических взглядах Пселл отказывается от догматического ригоризма и воспринимает христианскую этику в ее наиболее чело-

<sup>18</sup> *Nicetas Stéthatos. Opusculs et lettres. Paris, 1961, p. 78, 80.* Во введении к трактату Никита ставит вопрос исследования: как человек может быть одновременно и порождением праха и подобием божьим.

<sup>19</sup> *B. Wassiliewsky—V. Jernstedt. Cecaumeni strategicon et incerti scriptoris de officiis regis libellus. — «Записки историко-филологического факультета имп. Санкт-Петербургского университета», ч. XXXVIII. СПб., 1896, стр. 55. 27—29.*

<sup>20</sup> Подробнее об этом письме Пселла и о выраженных в нем этических взглядах писателя см. наши статьи: «Пселл в отношениях с современниками (Иоанн Мавропод, Иоанн Ксифилин, Константин Лихуд)». — ПС, вып. 23 (86), 1971, стр. 125—143 и «Михаил Пселл. Личность и мировоззрение (некоторые итоги и проблемы изучения)». — ВВ, 30, 1969, стр. 73—93.

<sup>21</sup> «Не сравнивай меня с железными и непреклонными» (*Bibl. gr.*, V, p. 472). «Я не камень, рожден не деревом и не скалой, но сделан из мягкого материала и подвержен естественным страстям» (*Scr. min.*, II, p. 230) и т. д. Эпитет *ἀδαμάτινος*, неоднократно употребляемый Пселлом, — штамп житийной литературы (см. «Две византийские хроники X века». М., 1959, стр. 133). Можно думать, что эти рассуждения Пселла имеют определенную антиаскетическую направленность.

вечном аспекте. Идеалу непреклонно-сурового, монолитно-цельного, непоколебимого христианина Пселл противопоставляет представление о человеке, которому не чуждо ничто человеческое, который доступен всем впечатлениям бытия, в характере которого могут уживаться свойства противоречивые, к тому же не постоянные и раз навсегда данные, а изменяющиеся под влиянием среды и обстоятельств.

В связи со сказанным немалый интерес представляют и отдельные оброненные Пселлом замечания, касающиеся уже не характера человека, а принципов его оценки и изображения. В сочинении «К своему грамматiku» писатель защищает адресата от нападков каких-то анонимных недоброжелателей. «Обвинители, — пишет Пселл, — по нраву своему люди политические, но не философы по образу мыслей, поэтому они и судят о вещах по своей жизни, а не мерилom истины (τῷ τῆς ἀληθείας κανόνι). Нельзя судить о характере по внешним признакам, одежде, причёске и т. д., иначе полсвета придется счесть сумасшедшими, — продолжает писатель, — ведь одни предпочитают одно, другие — другое. Мы отличны друг от друга, и потому нужен иной критерий и лучший судия» (Scr. min., I, p. 60, 63). В другом случае Пселл полемизирует с риториками, создающими энкомий в честь Константина Лихуда «не по его (Лихуда. — Я. Л.) мере» (οὐ πρὸς τῷ μέτρῳ ἐκείνου), а в зависимости от «силы слова» (τῇ δυνάμει τοῦ λόγου) (Bibl. gr., IV, p. 390).

В этих замечаниях, сделанных по разному поводу и в разном контексте, по сути дела отразилась одна и та же мысль: не ограниченный жизненный опыт и не риторический шаблон, а сам объект (его «мера») должен быть основным критерием оценки или изображения. Этой позиции писателя свойственны та же широта и гибкость, что и его представлениям о человеческом характере.

\* \* \*

Рассуждая типологически, метод изображения человека, принятый в «Хронографии» Михаила Пселла, можно назвать дедуктивным; как правило, писатель предваряет рассказ о герое некоей характеристикой, раскрывающейся в процессе дальнейшего изложения<sup>22</sup>. Этот метод, наиболее отвечающий принципам нормативного художественного мышления средневековья и потому доминирующий в византийской литературе (наиболее яркий пример — энкомий), изначально предполагает обобщение и абстрактизацию, подведение индивидуальных свойств под родовые определения<sup>23</sup>. Византийские писатели в большинстве случаев не стремятся постигнуть своеобразие личности, им достаточно, к примеру, назвать своего героя благочестивым (т. е. подвести под родовое понятие), а затем рядом примеров или риторических фигур раскрыть тезис. Схе-

<sup>22</sup> «Хронография» Пселла, несмотря на внешнюю хронологическую рамку, по сути своей — сумма характеристик, композиция которых всецело определяется задачей изображения персонажа. Реальные факты для писателя чаще всего — не более как иллюстрация тех или иных «черт» героя, а временная последовательность событий практически заменена «хронологией характера» (см. Я. Н. Любарский. О жанровой и композиционной специфике «Хронографии» Михаила Пселла, стр. 31—37). Дедуктивный и противоположный ему индуктивный методы (при последнем читатель сам «выводит» характеристику персонажа, исходя из его поступков, речей и т. п.) — два параллельно существующих и взаимодействующих приема изображения героя. В научной литературе в этом контексте обычно говорится о «прямом» и «косвенном» способе характеристики (I. Bruns. Die Persönlichkeit in der Geschichtsschreibung der Alten. Berlin, 1898, S. V f.). Против такого членения возражал К. Берген (K. Bergen. Charakterbilder bei Tacitus und Plutarch. Köln, 1962, S. 7 f.), полагавший, что принципом классификации должны быть Urteilkategorien, т. е. те качества личности, на которые писатель обращает преимущественное внимание. Учитывая условность и вспомогательный характер всякой подобной классификации, следует признать, что оба критерия имеют право на существование.

<sup>23</sup> См.: А. П. Раждан. Византийская культура (X—XII вв.). М., 1968, стр. 158 сл.

матизм и затемнение частного, индивидуального, свойственные этому методу и сделавшие его столь чуждым новейшим художникам, позволяют применить к образам средневековой литературы приемы заслуженно непопулярного ныне анализа «по чертам».

Сопоставляя основных героев «Хронографии», можно довольно четко выделить те их качества и свойства, которые с большей или меньшей регулярностью отмечаются писателем. Вот их короткий перечень:

1. Род, происхождение.
2. Образ жизни.
3. Ученость, отношение к ученым.
4. Красноречие.
5. Благочестие.
6. Личная храбрость, выносливость.

7. Качества государственного деятеля (отношение к императорским обязанностям, характер управления государством, отношение к подданным, щедрость).

8. Ум.

9. Нравственные качества.

Приведенный перечень по сути дела охватывает все стороны человеческой личности и уже в силу своей универсальности не может дать представление об индивидуальности писателя. Последняя проявляется в разном интересе к тем или иным свойствам личности (ср. *Urteilskategorien* К. Бергена).

Хотя, следуя непреложной традиции биографического жанра, Пселл упоминает род описываемых лиц<sup>24</sup>, происхождение обычно не играет сколько-нибудь существенной роли в поступках и судьбе героя.

В оценке образа жизни<sup>25</sup> императоров Пселл в сущности пользуется одним критерием: «строгость» или «легкомыслие». Избыток того и другого вызывает осуждение философа — приверженца античной *aurea mediocritas*.

Описанию такого частного (во всяком случае для царственной персоны в Византии XI в.) свойства, как ученость и отношение к ученым, Пселл отводит непропорционально много места<sup>26</sup> и, как правило, специально оговаривает знание или незнание своим героем светских наук.

Не меньшее значение, чем образованность, имеет для Пселла красноречие<sup>27</sup>. Оба эти свойства (ученость и красноречие) в «Хронографии» явно потеснили такие традиционные добродетели христианских государей, как благочестие и личная храбрость.

О благочестии Пселл говорит лишь в панегирических характеристиках Константина X и Михаила VII (*Chron.*, II, p. 140, 173 sq.), в жизнеописаниях Зои и Феодоры (*ibid.*, p. 48, 79) (благочестие всегда привилегия женщин) и, наконец, в описании Романа III Аргира, где оно оказывается... лицемерной маской<sup>28</sup>.

Что касается личной храбрости, то и она в «Хронографии» занимает скромное место. Следует учесть, что среди героев писателя — такие воинственные императоры, как Василий II, Исаак Комнин, Роман Диоген и др.

<sup>24</sup> См. *Chron.*, I, p. 69 (Михаил V); I, p. 123 (Константин Мономах); II, p. 85 (Исаак Комнин); II, p. 157 (Роман Диоген) и др.

<sup>25</sup> *Chron.*, I, p. 4 (Василий II, Константин VIII); I, p. 140, II, p. 37, 56 (Константин Мономах).

<sup>26</sup> *Chron.*, I, p. 18 (Василий II); I, p. 28—29 (Константин VIII); I, p. 32—33 (Роман III Аргир); I, p. 134 (Константин Мономах), I, p. 56 (Михаил IV); II, p. 139 (Константин X).

<sup>27</sup> *Chron.*, I, p. 29 (Константин VIII); I, p. 33 (Роман III Аргир); I, p. 134 (Константин Мономах); II, p. 113 (Исаак Комнин); II, p. 141 (Константин X).

<sup>28</sup> Знаменательно, что при всем уважении Пселла к этой добродетели ее избыток представляется ему недостатком (см. ниже стр. 111).

Главный критерий оценки писателем своих героев-императоров — их качества государственных деятелей. Одни из них ревностно занимаются делами управления (Василий II, Исаак Комнин), другие ими пренебрегают (Константин VIII, Константин IX Мономах); одни сведущи в науке правосудия (Константин X), другие не знают ни законов, ни канонов и судят по своему разумению (Михаил IV) и т. д. Щедрость — традиционная добродетель византийских императоров — почти непременно отмечается Пселлом, причем ее избыток, расточительность встречает постоянное осуждение (Константин VIII — Chron., I, p. 26; Роман III Аргир — *ibid.*, p. 35; Константин IX Мономах — *ibid.*, p. 132; Константин X — *ibid.*, II, p. 145).

С особой подробностью говорится обычно об отношении императора к подданным. Если одни монархи обращаются с ними милостиво и не позволяют гневу увлечь себя (Константин Мономах), то другие устрашают окружающих своей суровостью и не прощают даже незначительных провинностей (Роман III Аргир, Михаил V, Василий II). «Милостивые» императоры пользуются наибольшим уважением писателя, традиционная императорская *φιλανθρωπία* — одно из наиболее ценимых свойств.

Нередко привлекает внимание Пселла такая черта героя, как стремление к самовластию или, напротив, желание иметь советников (в роли последнего нередко фигурирует сам автор).

Набор эпитетов и характеристик, относящихся к уму и нравственной природе персонажей в «Хронографии», велик и разнообразен.

Чисто оценочные характеристики, рожденные ласливой преданностью или благочестивой ненавистью, столь частые у предшественников Пселла и в его собственных энкамиах, в «Хронографии» редки (большая часть восторженных описаний приходится на энкамиастические жизнеописания Константина X и Михаила VII). В подавляющем большинстве случаев Пселл стремится указать на какие-то конкретные качества (наглость, лукавство, лицемерие и т. д.). Обращает на себя внимание следующее: среди многообразных определений одна черта почти непременно встречается в характеристиках писателя — герой-император по своему нраву бывает ласковый (*γλυκός*) или суровый (*στερρός*), мягкий (*μαλακός*) или грубый (*τραχός*), сострадательный (*συμπαθής*) или гневливый (*δύστροχος*), улыбчивый (*εὐκίνητος πρὸς μεϊδιᾶμα*) или озабоченный (*πεφροντικός*) и т. д.

Если бы нам ничего не было известно о самом Пселле, то уже из акцентов его характеристик императорских особ можно было бы достаточно отчетливо представить себе облик писателя. Человек, ценящий дарование гораздо больше, чем благородное происхождение; скорее ученый и ритор, чем воин; человек, при всем своем христианском благочестии, свободомыслящий, влиятельнейший государственный деятель, привыкший поучать самодержцев, и в то же время придворный льстец без достоинства, судьба которого зависит от улыбки или нахмуренных бровей повелителя, — таким является нам Пселл, автор императорских жизнеописаний, таким знаем мы его по многочисленным письмам и откровенным признаниям в других сочинениях. Такое косвенное «самораскрытие» автора византийской хроники само по себе весьма знаменательно: субъективное мироощущение, а не обязательный набор качеств было исходной позицией, той мерой, с которой писатель приступал к изображению героев.

\* \* \*

Специфика пселловского метода проявляется уже в первоэлементах характеристик — обрисовке отдельных свойств. Начнем с примеров из короткой и компактной биографии Константина VIII. «Сильный телом, он был труслив душой» (Chron., I, p. 25); «Легко поддающийся гневу, он не был чужд и сострадания... в отличие от брата Василия гневался



он недолго и быстро отходил» (ibid., p. 26); «Он оказывал благодетельный больше всех других императоров, однако в своих щедротах не соблюдал равной справедливости» (ibid.); «Он был не слишком образован, лишь слегка, по-ученически знаком с эллинской наукой, но тем не менее человек от природы способный и привлекательный, с изящной и приятной речью, он с блеском выражал мысли, рождавшиеся в его душе» (ibid., p. 28—29).

Приведенные цитаты составляют значительную часть скупого (для Пселла) описания Константина VIII. Во всех характеристиках одна особенность: они двучленны по своему построению — тезис сопровождается в них антитезисом, частично или полностью отрицающим, корректирующим, ограничивающим основное утверждение (синтаксически это выражается при помощи предложений с причастными оборотами или сочинительной связи с μέν... δέ, либо ἀλλά и т. д.). Аналогичные примеры обильно встречаются и в других жизнеописаниях. «В большинстве случаев он проявлял суровость, но бывало и отказывался от нее» (Василий II — Chron., I, p. 22); «Сам по себе он хорош, но в том, что касалось его братьев, чрезвычайно плох» (Михаил IV — ibid., p. 58); «К эллинской образованности был он непричастен, тем не менее воспитал свой нрав лучше философов, постигших ее» (Михаил IV — ibid., p. 56); «Я поражаюсь ее (императрицы Феодоры. — Я. Л.) благочестию, однако любовь к самодержавной власти побуждала ее преступать законы» (ibid., II, p. 65); «... Ни один из прежних императоров не мог бы с ним (Исааком Комнином. — Я. Л.) сравниться, однако необузданность, нежелание подчиняться велениям разума разрушала благородство его духа» (ibid., p. 121—122). Характер Романа Диогена — «иногда прямой, но большей частью лукавый и наглый» (ibid., p. 157). Подобные «двучленные» определения иногда вкраплены в жизнеописания, иногда на них строится вся характеристика<sup>29</sup>.

Большинство свойств героев Пселла не абсолютны, сфера их проявления ограничена временем, ситуацией или другой чертой характера, и, что самое важное, они существуют не изолированно, а как бы «зацеплены» друг за друга.

\* \* \*

Специфика методов характеристики может быть обнаружена не в отдельных «чертах», а в образе в целом. Для удобства анализа мы позволили себе разделить императоров — героев Пселла на несколько «типов»<sup>30</sup>.

**Д е я т е л ь н ы й и с у р о в ы й и м п е р а т о р .**

**Василий II.** Биография Василия начинается восходящим к античной традиции синкрисисом — сравнением двух царственных братьев — Василия и Константина<sup>31</sup>. Сопоставление, по сути дела, производится по одному признаку: младший из них «распущенный и легкомысленный», старший — Василий — «деятельный» (досл. «бодрствующий» ἐγρηγόρως), «сосредоточенный» и «озабоченный» (σύννοος, πεφροντιστός). Дальнейшие описания уточняют и дополняют начальную характеристику, не меняя ее основного смысла. Окружающим Василий казался мрачным, он был человеком грубого нрава, гневливым и неотходчивым, умеренным в образе жизни, чуждым всякой изнеженности (Chron., I, p. 4), ко всем относился подозрительно, был мрачен, скрытен, никому не прощал вины (ibid., p. 11). Все эти качества не были свойственны Василию от природы, а появились

<sup>29</sup> Например, характеристика могущественного временщика Иоанна Орфанотрофа (см. ниже стр. 112).

<sup>30</sup> Из числа образов императоров — героев Пселла мы не рассматриваем Константина X и Михаила VII. Их характеристики (особенно последнего) строятся по принципам энкомия и в этом отношении противостоят основному методу «Хронографии».

<sup>31</sup> Синкрисис играет в этой биографии роль «предварительной характеристики»; см. Я. Н. Любарский. О жанровой и композиционной специфике «Хронографии» Михаила Пселла, стр. 33, прим. 42.

в результате влияния неблагоприятных обстоятельств (главным образом восстаний Варды Склира и Варды Фоки)<sup>32</sup>. Император отказался от добродушия, пренебрег украшениями, превратился в «озабоченного и сосредоточенного» (ibid., p. 13—14) (обращаем внимание на вторичное появление тех же эпитетов), стал управлять с помощью страха, а не милости. При своей подозрительности Василий перестал испытывать нужду в советниках и потому прогнал прежде возвышенного им же паракимомена Василия (ibid., p. 12), правил, не соблюдая законов, презрел науку и ученость (ibid., p. 18).

Последний раздел биографии посвящен поведению Василия во время войны и мира<sup>33</sup>. Во время войны Василий коварен, во время мира — «царственен» (свойства героя определяются ситуацией!). Солдат и полководец Василий неприспособлен и вынослив, великолепно знает военное дело (ibid., p. 20), нетерпим к промахам своих воинов, однако наказывает их не сразу, а лишь по возвращении из похода (ibid., p. 21—22). Василия можно было лишь с трудом сподвигнуть на какое-нибудь предприятие, но раз принятое решение он уже не менял. Гнев и милость императора были непоколебимы, а волю свою он почитал за «божественный суд» (ibid., p. 22).

Трудно сказать, насколько Василий, нарисованный Пселлом, соответствует реальному прообразу (вряд ли вообще сопоставление персонажа с прототипом может дать много для литературоведческих оценок: попадая в литературное произведение, герой уже подчиняется законам художественного творчества, строго говоря, нам вообще неизвестно, каким был тот или иной деятель XI в., мы можем судить лишь о том, каким он изображен у Пселла, Скилицы, Атталиата и т. д.); очевидно, однако, что отдельные «черты» характеристики Василия в «Хронографии» не представляют самодовлеющих качеств, а, дополняя друг друга, вместе составляют образ немилостивого и грубого, энергичного и упрямого, подозрительного и беспощадного императора.

*Исаак I Комнин.* Второй вариант «деятельного и сурового» императора — Исаак I Комнин. Его (в отличие от Василия) Пселл описывает по личным впечатлениям, и потому этот образ и более детальный, и более полный. Впервые на страницах «Хронографии» Исаак появляется еще не императором, а «тираном», возглавившим мятеж против Михаила Стратиготика. Несколько предварительных штрихов<sup>34</sup> создают впечатление о герое. У Исаака властный вид, благородный образ мыслей, душевная твердость, он — «благородный» полководец (Chron., II, p. 85). Повстанец Исаак необычайно деятелен и целеустремлен, он проводит ночи в беспокойных мыслях, дни отдает делам (ibid., p. 87). Действия его отличаются разумностью — Пселл дважды отмечает, что Исаак действует «скорее разумно, чем дерзко». В облике героя подчеркивается сдержанная суровость: Комнин никогда не обнажал меча на провинившегося, но его нахмуренные брови действовали сильнее любого удара (ibid., p. 87). В некоторых эпизодах фигура императора окружена определенным героическим ореолом. Таков он в батальной сцене, когда четыре «скифа», приставив с разных сторон копыя к Исааку, удерживали его в седле (ibid., p. 90—91). Такова по-царски величественная картина приема Исааком императорского посольства во главе с Лихудом и Пселлом (ibid., p. 96) и т. д.

<sup>32</sup> Я. Н. Любарский. О жанровой и композиционной специфике «Хронографии» Михаила Пселла, стр. 33.

<sup>33</sup> Жизнеописание Василия заканчивается описанием внешности императора. Искусство портрета у Пселла может составить предмет специального исследования.

<sup>34</sup> Пселл сам отмечает, что основная характеристика следует дальше (Chron., II, p. 85).

Императору-воину присуща государственная мудрость: он с необычайным вниманием прислушивается к советам (черта, как уже отмечалось, чрезвычайно ценится Пселлом, тем более что в качестве советчика выступает он сам) и философски относится к собственным успехам, полагая, что чрезмерная удача редко приводит к хорошему исходу (*ibid.*, p. 108—109).

Энкомиастические нотки первых описаний готовят торжественно-панегирический стиль эпизода восшествия на престол и рассказа о первых шагах нового императора. Исаак, «муж во всех отношениях деятельный», «не страшнувшись себя пылью битв, не переменяя платья», принялся за государственные дела и приступил к управлению, «едва только успев из открытого моря и бурь спастись в гавань, не стерев соль с губ и не переведя дух» (*ibid.*, p. 110—111).

Традиционной условности стиля соответствует и устойчиво энкомиастический тип изображения героя: император уподобляется восходящему солнцу, лучи которого разгоняют облака (*ibid.*, p. 111). Его образ рисуется с помощью ряда графически четких сцен, запечатленных как бы наблюдателем «извне». Император на троне, занятый государственными заботами, суров и непреклонен, казалось, нрав его не может смягчиться. Но тот же император, находясь в домашней обстановке или раздавая должности, неожиданно превращается в «мягкого и доступного». Одна и та же струна, пишет Пселл, издает то резкие, то гармоничные звуки, император — «двойной» (διπλός), в нем совмещены несовместимые свойства (*ibid.*, p. 111—112).

Другой эпизод рисует «грозного» Исаака (*ibid.*, p. 112). Император поднимается на трон, кругом располагаются синклитики; сначала он не произносит ни слова, но, как бы отдавшись размышлениям, сохраняет на лице точное «ксенократово выражение»<sup>35</sup>. Собравшихся охватывает страх. Одни застывают на месте как от удара молнии, из их «сжавшихся и сохшихся» тел как бы отлетает душа, другие бесшумно двигаются, третьи еще крепче охватывают руками грудь и все силой воли стараются заставить себя стоять неподвижно. Сцена замечательна своей статичной монументальностью. Вместе с тем, как это ни парадоксально, в ней присутствует и доля легкой иронии. Император здесь не только на самом деле величествен, но еще и изображает величие. Его действия заранее рассчитаны на определенный внешний эффект: Исаак «как бы» (ὡς) предаётся размышлениям, «копирует» (μιμησιμῶς) «точное» (ἀκριβῶς) «ксенократово выражение» лица.

Еще заметный иронический подтекст сохраняется и в дальнейшем изложении.

Император был немногословен, продолжает Пселл, как Лисий, умел обуздывать свою речь, его молчание было красноречивей слов, а кивок головой и жест могли заменить обильные словоизлияния (*ibid.*, p. 113). Все это, конечно, совершенно серьезно. Но тут же следует описание Исаака в роли судебного арбитра: несведущий в законах император не берет на себя вынесение приговоров, а поручает это судьям. Тем не менее он делает вид, будто заранее знает содержание приговора, более того, выдает себя за его автора. Вместе с тем, не желая демонстрировать неправильное произношение юридических терминов, Исаак сам не зачитывает приговор, но всегда что-то добавляет или убавляет в тексте, когда его оглашает кто-то другой. И здесь усилия Исаака направлены на создание внешнего впечатления, сокрытие собственных недостатков. Общий энкомиастический тон первой части биографии, несмотря на элемент иронии, настораживает: Пселл пишет об Исааке уже после его смерти. И действительно, дальнейший рассказ («детальная характеристика», по

<sup>35</sup> Ученик Платона философ Ксенократ отличался чрезвычайно мрачным видом.

нашей классификации) приносит нечто новое. Оказывается, что все положительные свойства императора, декларированные писателем, не дают никаких результатов, их влияние сводится на нет нетерпеливостью и поспешностью Исаака. Последний все стремится делать немедленно (ibid., р. 121), избыток напористости и приводит его к неудачам<sup>36</sup>. В свою очередь неудачи изменяют характер и образ жизни Исаака, который стал не в меру суров, начал презрительно относиться к окружающим и почти все время проводил на охоте (ibid., р. 128). Заключительные страницы добавляют последний штрих к образу: губительный недуг не согнул императора-воина, он не отказался от своего «благородства», и, когда, уже больной, выходил из дому, его не вели за руку; был он подобен «высокому кипарису, раскачивающемуся под порывами ветра» (ibid., р. 132).

Исаак, в отличие от Василия, — «положительный» вариант образа сурового и деятельного государя. Восхищение императором заставляет Пселла прибегать к редким в «Хронографии» энкомиастическим приемам изображения, однако второй частью биографии писатель сводит на нет или во всяком случае значительно ограничивает высокую оценку героя в первой части. «Двучленность», вообще свойственная пселловским характеристикам, проведена здесь в масштабе целого жизнеописания. Интересно, что даже в панегирическом разделе биографии монументально-торжественный стиль смягчен легким ироническим подтекстом: отношение автора к герою в «Хронографии» лишено догматической однозначности.

#### Легкомысленный и бездеятельный император

К этому типу героя в «Хронографии» можно отнести двух Константинов: Константина VIII и Константина IX Мономаха. О «диалектическом» характере большинства свойств первого из них говорилось выше. Этот император «нравственно чрезвычайно мягкого», с «душой, склонной к любым удовольствиям», с «характером легкомысленным», «почти не занимающийся делами управления», превыше всего ценящий гастрономические радости и любовные утехы, «до безумия влюбленный в зрелища», страстный охотник (Chron., I, р. 25, 29—30).

Биография другого императора — *Константина IX Мономаха* — самая большая по объему и самая интересная по содержанию. При этом императоре началась придворная и ученая карьера Пселла, при нем она достигла своего апогея. С этим императором писателя связывали не только государственные заботы и литературные занятия, но и альковные тайны. Пселл чувствует себя обязанным написать энкомий в честь покровителя, но задачи хронографического жанра требуют объективности (ibid., р. 127). Стремясь найти выход из противоречия, Пселл приводит для оправдания уже цитированные выше рассуждения о человеке как «соседстве противоположностей» и пишет биографию, где черная краска смешана с белой и где, по его собственным словам, «рассказ как бы противоречит самому себе, изменяется и преобразуется вместе с героем. . . уподобляется и как бы соперничает ему» (ibid., II, р. 74). Герой повествования выступает в разных ситуациях, обрисовывается с разных сторон, и, только рассмотрев образ во всех аспектах, можно вывести суждение о методах его изображения.

*Государственная деятельность.* Свое отношение к Константину Мономаху-монарху Пселл высказывает прямо и недвусмысленно: «Этот государь не постиг природы императорской власти, не понял, что она представляет собой служение на благо подданных, что она требует души, постоянно озабоченной тем, как лучше управлять делами. Напротив, он полагал,

<sup>36</sup> Подробней об этом см.: Я. Н. Любарский. О жанровой и композиционной специфике «Хронографии» Михаила Пселла, стр. 31—32.

что власть означает избавление от трудов, исполнение желаний, ослабление напряжения» (ibid., I, p. 140).

Мысль эта неоднократно в разных вариантах повторяется Пселлом<sup>37</sup>. Мероприятия внутренней и внешней политики Мономаха вызывают ироническое или прямо отрицательное отношение писателя: Константин постоянно пытается переложить на чужие плечи бремя государственных забот, придя к власти, принялся за дела без должной силы и не соблюдая осторожности, напротив, он прекраснодушно мечтает о «некоем новом счастье» (εὐδαιμονίαν καὶνὴν καὶ ἀσυνήθη), воплощая свои фантазии в жизнь, направо и налево раздает богатства и истощает государственную казну (ibid., II, p. 132). Даже серьезные опасности (например, восстание Маниака) не заставляют Мономаха отрешиться от легкомыслия. В результате — новые бедствия, обрушивающиеся на империю (ibid., p. 8; ср. I, p. 141). У Пселла нет сомнений: причина такого поведения — особенности «нрав» императора. «Он от природы, — утверждает писатель, имел такой нрав и к тому же еще более развил его. . . поскольку власть предоставляла для этого большие возможности» (ibid., I, p. 140—141)<sup>38</sup>.

*Характер Мономаха.* Страницы, посвященные описанию характера императора, принадлежат к числу наиболее впечатляющих в этой биографии. О нраве своего героя Пселл заговаривает уже на первых страницах жизнеописания. Мономах никогда не проявлял заносчивости, не бывал насупленным и надменным, напротив, с готовностью улыбался, сохранял на лице веселое выражение и обладал удивительным умением завоевывать сердца подданных (ibid., I, p. 133—134). Все это, естественно, вызывает полное одобрение Пселла, но (мы уже убедились, какое огромное значение в характеристиках писателя имеет это «но») постепенно, едва уловимо для читателя похвальные качества Мономаха переходят в процессе дальнейшего повествования в свою противоположность. Веселость, замечает писатель, не покидала императора не только во время развлечений, но и в серьезных занятиях. Более того, с ним нельзя было заговорить о чем-нибудь серьезном, не предварив разговора какой-нибудь шуткой (ibid., p. 133—134)<sup>39</sup>. Чем дальше, тем больше. Пселл отмечает, что небрежение государственными делами было результатом «души легкомысленной и беспечной» и в конце концов, полемизируя с какими-то неизвестными нам оппонентами, категорически заявляет, что страсть императора к развлечениям чрезвычайно мешала исполнению государственных обязанностей (ibid., II, p. 56).

Однако значительно интересней собственных оценок Пселла те эпизоды, в которых легкомыслие и беспечность императора проявляются на деле. Такова, например, история стремительной придворной карьеры Романа Воилы. Судя по «Хронографии», развлечения Константина не отличались ни изысканностью, ни утонченностью. Ни музыка, ни танцы, ничто другое не доставляли Мономаху такого удовольствия, как чье-либо неправильное произношение слов. Именно за эти «достоинства» и был возвышен «полумерзавец» Роман, попавший в высшие придворные сферы прямо с «уличного перекрестка». Лестью и расчетливым угодничеством он постепенно подчиняет своему влиянию императора. Причем Константин, прекрасно понимая притворство Воилы, с удовольствием поддается обману (ibid., p. 39). Распоясавшийся фаворит подстраивает «шутки», безвкусие которых шокирует современного читателя не

<sup>37</sup> См., например: Chron., II, p. 58: «Овладев ромейским скипетром, самодержец решил дать себе отдых, как бы достигнув царской гавани после плавания в открытом море».

<sup>38</sup> Согласно воззрениям Пселла, императорская власть портит человека; ср. Chron., I, p. 130—131.

<sup>39</sup> Интересно, что о том же пишет Пселл в одном из писем к Иоанну Мавроподу (Scr. min., II, p. 229). Видимо, это действительно было особенностью императора.

меньше, чем девять веков назад утонченного Пселла. По этому поводу писатель раздражается сетованиями на жалкую участь придворных, вынужденных вслед за императором смеяться тогда, когда на глаза навертывались слезы (ibid., p. 40). Заметим в скобках, что достойна сожаления сама ситуация, при которой умные и интеллектуальные люди типа Пселла не только смеются, вместо того чтобы плакать, но через какое-нибудь десятилетие, уже служа новому владыке, относительно спокойно вспоминают о своем унижении.

История с Романом Воилой кончается трагически-фарсовой сценой, когда плененный любовницей Константина временщик готовит покушение на императора, а последний, вынужденный расследовать дело, больше гневается на доносчика, чем на виновного, при первых полуизвинениях прощает Воилу и даже обещает увенчать его диадемой и одеть в пурпурное платье, если только тот согласится по-прежнему ласково смотреть на своего государя (ibid., p. 44). Невозможно определить, насколько соответствует действительности эта сцена, во всяком случае, она великолепно рисует не только дворцовые нравы, но и характер жуира и раба собственных страстей Мономаха.

Импульсивность Мономаха, полное отсутствие чувства меры<sup>40</sup>, последовательно, каждый раз с добавлением новых деталей раскрываются в ряде дальнейших сцен, самая образная из которых — эпизод строительства храма св. Георгия (ibid., p. 61—64).

Рассказ о сооружении монастырей, приютов, церквей и т. п. принадлежит к числу традиционных в хронографическом жанре. Под пером Пселла он превращается в еще одно средство характеристики героя. Мономах без конца перестраивает храм, велит уничтожить уже сделанное, а на этом месте воздвигает еще более пышные сооружения: «... Император витал в облаках, ко всему уже выполненному, каким бы оно ни было и какой бы ни отличалось красотой, он тотчас начинал относиться с пренебрежением. Лишь новые планы воспаменяли его и распаляли в нем любовь к неведомому» (ibid., p. 63—64).

Большое место среди «развлечений» императора занимают любовные истории, которые Пселл описывает с неожиданной для средневекового хрониста подробностью (впрочем, автор «Хронографии» отнюдь не был, по свидетельству его писем, равнодушен к этой сфере человеческой жизни). Уже само возвышение Мономаха произошло за счет его «мужских» достоинств: приобретя богатство и знатность благодаря женитьбе, он вскоре очаровывает своим цветущим видом императрицу Зою и таким образом становится ромейским самодержцем.

Описание отношений Мономаха с первой его возлюбленной, Склириной, содержит все аксессуары, которые, начиная с античного романа, сопутствуют в литературе описаниям любовной страсти<sup>41</sup>. Склирина следует за Константином в изгнание, любовники не могут жить друг без друга, их не пугают превратности судьбы, в бедствиях Склирина служит утешением возлюбленному и т. д. Взойдя на престол благодаря браку с Зоей, Константин смотрит на жену только «телесными очами», в то время как образ Склирины стоит перед «глазами его души» (ibid., I, p. 142). Как всегда, Мономах не соблюдает ни предосторожности, ни меры. Уже в первые дни после венчания убеждает он императрицу приблизить

<sup>40</sup> Пселл неоднократно отмечает «неумеренность» (*ἀμετρία*) своего героя. Мономах ничего не делал умеренно, но во все свои начинания привносил напряжение, резкость... Если он кого-нибудь любил, любовь его не знала меры; если он на кого-нибудь гневался, то очень преувеличивал, а то и выдумывал пороки этого человека (ibid., p. 60).

<sup>41</sup> Любовная тема у Пселла — небезынтересный предмет исследования. Вероятно, что связь с мотивами античного (а может быть, и средневекового) романа не ограничивается чертами случайного внешнего сходства.

ко двору Склирину. История возвышения последней и открытой «любви втроем» описываются Пселлом как беспрецедентная и шокирующая. Многочисленные детали (императрица не решается войти в покои мужа, если тот принимает любовницу; придворные, видя пылкость Константина, стараются под разными предлогами покинуть помещение и т. д.) не только вводят в обстановку царского интима, но и характеризуют самого Мономаха — человека, не умеющего и не желающего управлять своими страстями.

Смерть любовницы ненадолго оставляет Мономаха в одиночестве. Рассказу о новой страсти Мономаха Пселл предпосылает характеристику темперамента своего героя: «Императрица Зоя уже вышла из того возраста, чтобы иметь общение с мужем, а императора мучили желания; севаста (Склирина. — Я. Л.) скончалась, и Константин, мечтая о любви, парил в фантазиях и странных видениях (ἐπὶ πολλὰς πεπλάνητο φαντασίας καὶ ἀνατυπώσεις ἀτόπους). По природе он был весьма склонен к любовным делам и не умел удовлетворять страсть простым общением, но приходил в волнение при (воспоминании о) прежних наслаждениях ложа и потому полюбил девушку. . . » (ibid., II, p. 45). Эти слова могли бы дать пищу для фрейдистского истолкования личности Мономаха, однако и без соотнесения с теорией знаменитого австрийца герой Пселла предстает здесь своего рода эстетом любовного наслаждения, с навязчивыми и причудливыми эротическими эмоциями.

Новая любовь (на этот раз к юной аланке) внезапно и всецело овладевает Мономахом. В новой своей страсти Мономах настолько же безудержен и лишен чувства меры, как и в истории со Склириной.

Мы отнесли Мономаха к категории «легкомысленных», «бездеятельных» монархов. Хотя это свойство действительно — лейтмотив образа, сам герой в изображении Пселла слишком сложен и противоречив для того, чтобы его сущность можно было бы выразить одним или несколькими определениями. Даже основной черте — «легкомыслию» своего персонажа Пселл не дает однозначной оценки. В какой-то степени оно хорошо, поскольку является следствием столь ценимого писателем добродушия, но оно и плохо, так как приводит к небрежению государственными делами и скандальному поведению. Как бы пасуя перед сложностью своего героя, Пселл сознательно отказывается от общих однозначных оценок его самого и его деятельности<sup>42</sup>. Грани этого образа нечетки и размыты. Но эта размытость — не следствие недостатка искусства, а, напротив, высокая его степень, когда сложность и противоречивость объекта автор стремится воспроизвести адекватными художественными средствами.

### И м п е р а т о р - л и ц е м е р

Лицемерие от века не без основания считалось классической «византийской» чертой. В творчестве Пселла оно достигает своего апогея и как бы «осознает самое себя». Сам классический лицемер, Пселл неоднократно с отвращением пишет об этом свойстве. В «Хронографии» мы встречаем двух героев, которых с полным основанием можно отнести к типу лицемеров: Михаила V и Романа III Аргира.

Михаил V. Пятидесятичному царствованию Михаила V в «Хронографии» отведено непропорционально большое место, видимо, из-за драматических событий его царствования и той ненависти, которую питает Пселл

<sup>42</sup> «Одни из его деяний были хорошими, другие плохими» (ibid., I, p. 124); ср. заключительную характеристику: «Если отнять у него чрезвычайную неуравновешенность, то в остальном был он самым человеколюбивым из всех людей» (ibid., II, p. 71). Совершенно иначе (как резко отрицательное) характеризует отношение Пселла к Мономаху Р. Анастаси: R. Anastasi. Studi sulla «Chronographia» di Michele Psello. Catania, 1969, p. 175. Ср. наши возражения: BS, XXXII, 2, стр. 328—329.

к этому императору. Некоторые пассажи биографии напоминают традиционные характеристики узурпаторов, свойственные историографии предшествующих веков<sup>43</sup>. Было бы, однако, несправедливо сводить образ Михаила к типу обычного «злодея на троне».

Уже первые описания (Михаил — тогда еще не император, а лишь предполагаемый преемник Михаила IV) содержат не только перечисление «злодейских свойств», но и указание на то основное качество, которое в дальнейшем станет лейтмотивом образа: «Как никто другой, умел этот человек под золой скрывать пламя (я имею в виду мерзкий характер под маской благомыслия), он лелеял чудовищные замыслы, не испытывал никакой благодарности к своим благодетелям. . . однако его лицемерие (προσποίησις) умело все это скрывать» (ibid., I, p. 70).

Еще не вступив на престол, кесарь Михаил с наслаждением предвкушает момент, когда он расправится со своими доброжелателями (извечная страсть деспотов сводить счеты с друзьями не вызывает ни малейшего удивления писателя), и особенно с евнухом Иоанном, которому обязан более всего. Именно по отношению к нему Михаил ведет себя наиболее лицемерно (δεινότεραν μᾶλλον τὴν προσποίησιν κατεσκεύαζεν—ibid., p. 70—71). В отношениях этих людей возникает сложная ситуация. Иоанн — «более проникательный, чем Михаил лицемерный» — знает об истинных намерениях будущего императора, но до времени не обнаруживает своего знания. В результате Михаил и Иоанн втайне злоумышляют друг против друга, но изображают доброе расположение, и, хотя каждый думает, что его намерения неизвестны другому, оба хорошо понимают, чего хочет противник (ibid., p. 71). С восшествием на престол Михаила эта драматическая ситуация получает дальнейшее развитие. В первое время молодой император дружелюбно и даже с некоторым подобоострастием относится к Зое и Иоанну (как бы передразнивая своего героя, Пселл вводит в повествование прямую речь: от Михаила можно было постоянно слышать «моя госпожа», «императрица», «я буду ей рабом», «мой господин» и т. д.), однако вскоре обнаруживает свои истинные намерения (ibid., p. 88).

Образ Михаила, казалось бы, совершенно ясен, тем не менее Пселл считает нужным еще раз дать ему — на этот раз прямую — характеристику: «В жизни своей этот человек был существом изменчивым, имел душу изворотливую и непостоянную, речь его была в противоречии с сердцем, одно у него было на уме, другое на языке. . . он мог вечером за одним столом пировать с тем, кого наутро решил подвергнуть жесточайшему наказанию» (ibid., p. 90). Поражает та точность, с которой Пселл схватывает в образе своего героя «родовые» черты лицемерного деспота, с удивительной закономерностью проявляющиеся вне зависимости от места и времени. «Родство и, более того, кровная близость были для него детскими забавами. Михаила ничуть не тронуло бы, если бы всю его родню смыло одной волной. Он ревновал их не только к власти — это было бы еще понятно, — но к огню, к воздуху и вообще ко всему. . . Встречаясь с трудностями, он в речах и поступках проявлял себя человеком низменным, с душой раба, но если удача, хотя бы ненадолго, улыбалась ему, он отбрасывал притворство, исполнялся гнева и начинал творить свои страшные дела. . .» (ibid., p. 90—91).

Вся история кратковременного царствования Михаила изображается Пселлом как раскрытие свойств «классического деспота». Своевольное управление, введение неоправданных, с точки зрения писателя, новшеств, преследование чиновных и знатных, заискивание перед толпой и, нако-

<sup>43</sup> Михаил — «страшный муж» (ὁ δεινὸς ἀνὴρ — I, p. 95), «жалкий отпрыск» (ὁ ἀδελιώτατος παῖς — I, p. 98) и даже «зверь» (ὁ θῆρ — I, p. 97). Последний эпитет традиционен для изображения узурпаторов, государей-иконоборцев и т. д.



нец, изгнание императрицы Зои, согласно писателю, — следствие дурного права деспота и в то же время причина его гибели.

Заключительная сцена ослепления императора завершает его образ: император не находит в себе сил мужественно встретить испытания. Он рыдает, молит о пощаде, проявляя неблагородство и низменность своей натуры.

Образ Михаила — один из наиболее цельных и законченных в «Хронографии».

*Роман III Аргир.* В отличие от жизнеописания Михаила V, биография другого «лицемера» Романа Аргира начинается с характеристики, близкой к панегирической: «Этот муж был воспитан на эллинских науках, был приобщен к наукам латинским, обладал приятной речью, величественным голосом, ростом героя и царственной внешностью» (ibid., p. 32—33). Но уже следующая фраза (это обычно для «двучленных» характеристик Пселла) значительно ограничивает впечатление от первого утверждения. «В то же время, — продолжает писатель, — он воображал, что обладает знаниями большими, чем на самом деле». Это противоречие между претензиями и действительностью отныне становится ключом к образу императора. Роман хочет подражать великим древним государям Марку Аврелию и Августу в занятиях науками и военном деле, но в последнем был он полным невеждой, а науки знал крайне поверхностно. Император, пишет Пселл, занимался философско-теологическими проблемами, однако было это маской и лицемерием (*προσωπεῖον καὶ προσποιήσις*), а не выяснением и исследованием истины (ibid., p. 33). Да и вообще деятельность императора могла бы принести немалую пользу, если бы не представляла собой воображение и лицемерие (*οἵησις καὶ προσποιήσις* — ibid., p. 34). Итак, «лицемерие» (слово *προσποιήσις* постоянно встречается в тексте биографии) — определяющая черта Романа. Однако между лицемерием Романа и лицемерием Михаила большая дистанция. Для Михаила V — это сознательно надетая маска, имеющая целью обман и мистификацию окружающих. Роман III притворяется перед самим собой. Его претензии находятся в постоянном противоречии с его возможностями, а жертвой этого противоречия прежде всего становится он сам: «Воображение и напряжение сверх меры души (*τὸ οἰεῖσθαι καὶ τὸ πλεῖον τοῦ τῆς ψυχῆς μέτρου συντείνειν ἑαυτόν*) обманули его в важнейших делах» (ibid., p. 33).

Основная часть биографии Романа — история постепенного превращения щедрого и даже расточительного государя в прижимистого «сборщика налогов»<sup>44</sup>, однако основная черта героя постоянно проявляется если не в прямых оценках, то в многочисленных образных деталях — косвенных характеристиках персонажа. Вот некоторые примеры. Описывая вступление императора в Антиохию, Пселл замечает, что его въезд «скорее имел характер театрального зрелища, нежели боевого шествия, и потому не мог поразить воображение противника» (ibid., p. 36). Театральность императорской процессии, естественно, соотносится в сознании читателя со свойственным герою стремлением к чисто внешней эффективности. Во время того же похода враги предлагают Роману мир, но он, «готовый только к тому, чтобы строить и готовить к бою отряды. . . и делать все то, что, как мы слышали, совершали знаменитый Траян и Адриан, а раньше кесарь Август, а еще до него Александр, сын Филиппа» (подчеркнуто нами. — Я. Л.), ни с чем отсылает послов обратно (ibid., p. 37). «Великие предки» фигурируют, конечно, здесь не случайно: авторская речь воспроизводит ход мысли героя, подражающего древним императорам. Вообще стремление «делать себя» под легендарных государей — постоянное свойство Романа. Как и в биографии Константина Мономаха, традицион-

<sup>44</sup> См. Я. Н. Любарский. О жанровой и композиционной специфике «Хронографии» Михаила Пселла, стр. 33.

ный эпизод строительства храма превращается здесь в средство характеристики: Роман строит церковь, «сореvнуясь со знаменитым царем Соломоном и подражая самодержцу Юстиниану» (ibid, p. 41). Не благочестие, а стремление походить на властителей прошлого движут византийским императором <sup>45</sup>.

Нетрудно видеть, что Михаила V и Романа III объединяет лишь общность основного «родового» качества — лицемерия. В остальном это образы совершенно различные. У каждого из героев «свой», характерный именно для него тип лицемерия. Внимание писателя направлено не на общее, «родовое», а на частное, индивидуальное.

### И м п е р а т о р - « а л а д з о н »

*Роман Диоген* — герой с четко выраженной доминантой характера. Уже в первых строках биографии говорится: «Нрав его иногда прямой, большей же частью лукавый и наглый (εἰρωνικός καὶ ἀλαζών). Два последних определения вызывают ассоциации с классическими типами «аладзона» и «эйрона», хорошо известными со времен древнеаттической комедии и вошедшими в знаменитый реестр характеров Феофраста. «Ирония», однако, в ходе дальнейшего изложения больше не фигурирует, в то время как «наглость» (ἀλαζονεία) становится ведущим свойством героя. Именно все возрастающая «наглость» заставляет Романа совершить три последовательных похода против сельджуков, приведшие императора к катастрофе <sup>46</sup>. Поскольку описание этих походов составляет сюжетную канву жизнеописания, вся биография превращается в раскрытие ведущего качества персонажа. Весьма характерно для Пселла: «наглость» Романа раскрывается не только в прямых характеристиках, но и в постоянном противопоставлении претензий, кажущегося, видимого в императоре с реальными возможностями и результатами его усилий. Внешне серьезный (иногда даже торжественный, с гомеровскими цитатами) тон в ряде эпизодов служит контрастом ничтожности императорских успехов, порождая определенный комический эффект. Пселл так, например, рассказывает о приготовлениях Романа к своему первому походу: «Император облачился в боевые доспехи из дворца, взял в левую руку щит, в правую — копье, «сбитое крепко гвоздями, двадцать два локтя длиною». Щитом император рассчитывал преградить путь врагу, а копьем поразить его в бок. При виде этого остальные подняли боевой крик и рукоплескали, я же, догадываясь о том, что должно произойти, оставался мрачным» (Chron., II, p. 158). Окончание этого же эпизода Пселл описывает следующим образом: «Император вернулся с видом победителя, но не привез с собой ни мидийской, ни персидской добычи, гордась разве только тем, что воевал с врагом» (ibid., p. 159). Тем не менее этот поход становится для него «предлогом для наглости» (πρόφασις τῆς ἀλαζονείας). Аналогичным образом описываются и результаты второго похода: «Хотя тысячи наших воинов пали, все-таки мы взяли в плен двух или трех врагов и не были побеждены, и много было у нас разговоров по поводу победы над врагами» (ibid., p. 160).

Образ Романа Диогена лишен сложности и противоречивости, присущей большинству пселловских образов. Автор относится к своему герою со слишком большой неприязнью, чтобы копаться в психологических тонкостях. Вместе с тем Роман Диоген у Пселла — четко очерченный

<sup>45</sup> Ср. слова Пселла: «Предметом заботы этого императора было иметь вид благочестивого человека, и он действительно заботился о божественном, но притворства было больше, чем истинной веры, а видимость преобладала над действительностью» (ibid., p. 40).

<sup>46</sup> См. Я. Н. Любарский. О жанровой и композиционной специфике «Хронографии» Михаила Пселла, стр. 33—34.

персонаж, никоим образом не напоминающий «злодея» допселловской хронографии. Особенности его изображения — наличие ярко выраженной «ведущей черты» характера и использование «непрямых» методов (определенный иронический подтекст) характеристики.

### Женщины-императрицы

*Императрица Зоя.* Зоя, супруга трех государей, сама единодержавная правительница, фигурирует в нескольких книгах «Хронографии». Выйдя замуж в пятидесятилетнем возрасте, она тщетно пытается зачать ребенка, теряет расположение супруга и начинает его ненавидеть, уязвленная в царской гордости и разочарованная в эротических надеждах, которые, совсем не по возрасту, поддерживала в ней изнеженная дворцовая жизнь (Chron., I, p. 34). Завидуя сестре Феодоре, она убеждает супруга постричь ее в монахини (ibid., p. 107).

Вновь «по страсти, а не по рассудку» выйдя замуж за Михаила IV (ibid., p. 53), Зоя вторично терпит разочарование, поскольку ее новый царственный супруг не только не выказывал никакого расположения к ней, но, напротив, всяческим образом уязвлял свою благодетельницу (ibid., p. 62). На этот раз, однако, Зоя кротко переносит дурное обращение и готова простить своего гонителя (ibid., p. 84). Внешняя кротость и «непротивление» отныне становятся характерной чертой стареющей императрицы. Получивший власть Михаил V относится к ней не лучше прежних государей, полностью разделяя ту удивительную ненависть, которую питали к Зое возведенные ею на престол императоры. Вскоре пожилая государыня была вынуждена постричься в монастырь. Возвращенная в результате народного возмущения во дворец, она уже не рада счастливому повороту судьбы, не пользуется случаем отомстить Михаилу V и даже не находит слов для его осуждения (ibid., p. 106). После падения Михаила Зоя вместе с Феодорой берут власть в свои руки. Короткое царствование сестер дает Пселлу возможность произвести — совсем в античных традициях — сравнение, «синкрисис», между сестрами, о котором речь ниже.

Подпав под воздействие чар Константина Мономаха, Зоя вскоре отдает ему руку и самодержавную власть. Мономах, как и его предшественники, третирует жену, однако Зою уже ничто не трогает, и даже скандальная связь Константина со Склириной оставляет ее совершенно равнодушной: «Она не питала ревности, изнуренная многими бедами и войдя в тот возраст, которому не свойственны подобные страсти» (ibid., p. 143).

Все сказанное выше о Зое — по сути дела, переложение нескольких пассажей из «Хронографии», в которых нет попытки дать законченную характеристику императрицы. Тем не менее ее образ проступает достаточно отчетливо. Чувственная, завистливая, постоянно уязвляемая в своем женском и царском достоинстве, при всем окружающем ее блеске одинокая женщина, с возрастом перестает остро реагировать на постигающие ее удары судьбы и, хотя ее еще может увлечь юная красота Мономаха, она уже безразлична ко всему, кроме своего последнего старческого увлечения — приготовления ароматических смесей.

Образ Зои — пример характеристики «мимоходом», образец искусства Пселлы обрисовать персонаж не с помощью прямого описания, а рядом удачно подобранных деталей.

Вместе с тем писатель считает нужным охарактеризовать свою героиню и специально. Первый раз он делает это в уже упомянутом «синкрисисе», второй — в «заключительной» характеристике, объединенной по образцу античного *elogium*'а с сообщением о смерти героини (ibid., II, p. 48).

Зоя была вовсе не приспособлена к делам, пишет Пселл, и совершенно испорчена «императорским безвкусием» (ὁπὸ βασιλικῆς ἀπειροκαλίας — трудно придумать более смелое и «современное» определение, которым автор выражает всю меру своего презрения к царственной старухе). «Если у нее и были какие-то душевные достоинства, ее характер не сохранил их в чистоте; — продолжает писатель, — а проявляя чаще, чем нужно, сделал их не благородными, а безвкусными. Не буду говорить о ее благочестии, не хочу обвинять ее за его избыток: в этой добродетели она была ни с кем не сравнима. . . Что же касается остальной ее жизни, то была она то простой и ослабленной, то тугой и натянутой (Пселл пользуется здесь скрытым сравнением с лирой. — Я. Л.). Оба эти состояния без всякой причины мгновенно сменяли друг друга. . .» (ibid., p. 48). И наконец, последняя деталь, придающая образу фанатичной богомолки жутковатый оттенок: молодая Зоя выражала недовольство по поводу того, что ее отец Константин VIII редко применял наказание — вырывание глаз. Только вмешательство самодержца спасло многие ее жертвы (ibid., p. 49).

Заключительная характеристика с ее обостренным «диалектизмом» писательского восприятия завершает тот образ, который уже и без того успел сформироваться в воображении читателя. По внутренней глубине и силе проникновения Зою «Хронографии» можно сравнить с фигурой ее последнего супруга — Константина Мономаха.

*Императрица Феодора.* В сравнении двух царственных сестер Пселл отмечает индивидуальные особенности каждой из них (ibid., I, p. 118—119). Старшая (Зоя) питала в душе новые замыслы, но была неразговорчива. Младшая (Феодора), напротив, была медлительна в своих планах, но весьма многоречива. Старшая была решительна в действиях, даже когда речь шла о жизни и смерти, у младшей — характер ровный и как бы «притупленный». Старшая была беспредельно щедра, младшая, наоборот, — чрезвычайно расчетлива. В «сравнении» обращает на себя внимание стремление писателя не сопоставлять отдельные «черты», а выявить тенденции характеров сестер: импульсивной, склонной к крайностям Зои и спокойной, «себе на уме» Феодоры.

Более подробное описание Феодоры дается в связи с ее вторым царствованием. Императрица «по-мужски», «открыто» берется за государственные дела (Пселл отмечает твердость голоса, которым Феодора выносит свои решения, — ibid., II, p. 72, непоколебимость ее желаний — ibid., p. 78 и т. д.). Вместе с тем ее деятельность вызывает явное недовольство писателя: Феодора приближала к себе недостойных людей и, несмотря на благочестие, часто преступала законы из-за любви к самодержавной власти (ibid., p. 79). Уже с нескрываемым раздражением пишет Пселл о фанатичных монахах («назиреях»), под сильное влияние которых подпала императрица, совершившая в результате ряд промахов (ibid., p. 80—81). Традиционная женская добродетель — благочестие — здесь, как и в образе Зои, превращается в свою противоположность.

В скупом очерченном образе Феодоры мы встречаемся с той же тенденцией к индивидуализации и «диалектизму», которая характерна для большинства персонажей «Хронографии»<sup>47</sup>.

## Второстепенные персонажи

Помимо императоров, на страницах «Хронографии» выступает целый ряд героев всех званий и положений, от простых воинов до «первых министров». Одни из них только упоминаются, чаще всего в сопровожде-

<sup>47</sup> Третья женщина-императрица «Хронографии» Евдокия — характерный пример эволюционирующего персонажа. Пселл говорит о скромности (σωφροσύνη) героини, постепенно уменьшающейся под влиянием опасений за сына (ibid., II, p. 152—175).

нии краткой характеристики, другие описываются подробней или даже обрисовываются с той тщательностью и психологическим проникновением, которые обычно отличают пселловское искусство.

В характеристиках первого типа Пселл — традиционалист. Его задача — не индивидуализация персонажа, а выражение общего отношения к нему, «классификация» героя, чаще всего в рамках этических и эстетических категорий, издавна применявшихся в античной и византийской историографии. Даже языковые способы выражения в большинстве своем здесь традиционны: Пселл определяет своего героя при помощи эпитета, снабженного *accusativus limitationis*, или конструкцией с инфинитивом типа *δεινὸς λέγειν*, причем набор ограничивающих существительных и глаголов относительно невелик и стандартен<sup>48</sup>. В целом они напоминают современные «служебные» характеристики, в которых своеобразие личности скрывается за набором обязательных штампов.

Впрочем, даже в пределах кратких характеристик Пселлу нередко удается схватить индивидуальность персонажа. Пример этому — описание членов императорской семьи Дук в самом конце «Хронографии» (*ibid.*, II, p. 178—182)<sup>49</sup> или портрет покровителя и друга писателя — Константина Лихуда (*ibid.*, 58—59, 93, 123—124)<sup>50</sup>.

Некоторые персонажи по тонкости и мастерству изображения ничем не уступают основным героям «Хронографии». Это в первую очередь относится к описанию всесильного временщика, брата Михаила IV, Иоанна Орфанотрофа. Уже начиная характеристику, Пселл отмечает, что ему известны за Михаилом дела как «похвальные», так и «не слишком достойные» (*ibid.*, I, p. 59). Дальнейшее изложение автор стремится построить по принципу перечисления «хороших» и «дурных» свойств. Однако таланту Пселла органически противопоказано расчленение белого и черного, и это еще раз подтверждается примером брата Иоанна.

«Умный, энергичный, трудолюбивый» (*ibid.*, p. 54, 59), Орфанотроф не желал причинять зла окружающим, но не терпел с их стороны пренебрежения; он никому не досаждал, но на лице сохранял суровое выражение, чтобы удерживать людей от дурных поступков. На празднествах и пирушках не забывал он о делах и в самое неподходящее время мог появиться в любой части города. В результате все в страхе перед ретивым чиновником «сжались, замкнулись в себе, жили каждый сам по себе и прекратили общение». Изменчивый душой, он приспосаблился к характеру собеседника. За глаза людей поносил, но встречал приветливо. Если собеседник высказывал какую-нибудь полезную мысль, Михаил делал вид, будто давно знает о ней, и даже порицал человека за медли-

<sup>48</sup> Вот некоторые примеры: ... *βουλευσασθαι, ἰκανὸς καὶ καταπράξασθαι περιδέξιος* (Варда Скипр — *ibid.*, I, p. 4); ... *ποικίλος τὴν γνώμην καὶ καταπανουργέυσασθαι τοὺς ὁμοφύλους δεινότητας* (Долиан — *ibid.*, p. 76); ... *τὸ ἥδος ἡδὺς καὶ τὴν γνώμην λαμπρὸς καὶ τὴν τύχην ἐπίσημος* (Алусиан — *ibid.*, p. 79); ... *τὴν μὲν τύχην οὐ πάνυ διάσημος, τὸ δὲ εἶδος ἀξιωματικὸς καὶ λαμπρὸς* (Константин Артоклин — *ibid.*, p. 123); ... *τὸ μὲν εἶδος οὐ φαῦλος, τὸ δὲ ἥδος ὑποκαθήμενος* (Лев Торник — *ibid.*, II, p. 14) и т. д.

<sup>49</sup> Вслед за последней биографией Михаила VII в «Хронографии» помещены композиционно никак не объединенные характеристики родственников императора, а также письмо Михаила VII к будущему императору Никифору Вотаниату. По вопросу о том, каким образом последнее попало в текст «Хронографии», исследователями высказывались различные догадки (см.: *J. Sikutris. Zum Geschichtswerk des Psellos. — BZ, 30, 1929/30, S. 61—71*). Можно высказать осторожное предположение, что как характеристики, так и письмо являлись тем «рабочим материалом», который был подготовлен, но по каким-то причинам не использован Пселлом, а затем добавлен к его рукописи. Если гипотеза верна, знаменательно, что, делая заметки для своего сочинения, Пселл в первую очередь составлял характеристики персонажей.

<sup>50</sup> Характеристика Константина Лихуда выдержана в эвномнастических тонах и в этом отношении стилистически, как и биографии Константина X и Михаила VII, выпадает из «Хронографии». Не можем, однако, не отметить великолепно найденную деталь образа министра, отмеченную печатью пселловского «диалектизма»: Лихуду была свойственна «улыбчатая серьезность».

тельность. Тот уходил пристыженный, а Орфанотроф тут же претворял мысль в дело. Иоанн стремился жить с блеском и управлять по-царски, но врожденный нрав не позволял ему этого, а природа его не могла отказать от свойственного ей чревоугодия. Напиваясь, он творил всякие бесчинства. Однако и пьяный, он не забывал государственных забот и сохранял серьезное выражение лица. Во время пирушек Иоанн внимательно следил за поведением собутыльников и потом привлекал их к суду за неосторожные речи и поступки. Поэтому пьяного его боялись больше, чем трезвого. «Был этот человек средоточием различных качеств; уже давно приняв схиму, он и во сне не помышлял о соблюдении благочестия, тем не менее выполнял все положенное для монахов и сурово порицал нечестивцев. В то же время он враждебно относился ко всякому, кто вел благочестивую жизнь, жил в добродетели или украшал душу светскими науками, — предмет их рвения он презирал. Так нелепо относился он ко всем, но по отношению к брату-императору вел себя спокойно, не менял своего расположения и сохранял ровность характера» (ibid., p. 61).

Неоднократно отмечавшийся нами «диалектизм» пселловского метода в изображении Орфанотрофа достигает своего апогея. За каждым утверждением следует отрицание или ограничение, за каждой тезой — антитеза. Обычная двучленность характеристики превращается здесь уже в «многочленность» (ср. последнюю приведенную цитату: Иоанн — монах, но не благочестив, в то же время порицает нечестивцев, но враждебен к благочестивым людям). Мысль автора, как бы следуя и «сопереживая» персонажу (пользуемся выражением самого Пселла, см. выше стр. 103), противоречит самой себе и вместе с тем самой своей противоречивостью создает сложный образ героя.

Иоанн Орфанотроф в «Хронографии» — пожалуй, лучшее в среднегреческой литературе выражение духа «византизма» (в трафаретном значении слова), который надолго пережил саму Византию. Умный, энергичный, со сладкой улыбкой на устах и злобой в сердце, растленный, но изображающий достоинство и благочиние, третирующий всех, чьи интересы лежат в сколько-нибудь возвышенной сфере, — такой персонаж мог бы занять место среди «вечных» литературных образов, не затеряйся он на страницах пселловских мемуаров.

\* \* \*

Приступая к рассмотрению системы образов «Хронографии», мы, исходя из композиции жизнеописаний, определили метод Пселла как дедуктивный — соответствующий средневековому нормативному мышлению. Однако конкретный анализ привел нас к противоположным выводам. Основная тенденция Пселла состоит не в подведении индивидуального и конкретного под общее и абстрактное, а, напротив, в максимально возможной для того этапа литературного развития индивидуализации; не в демонстрации отдельных изолированных «черт», а в создании цельных образов; не в статическом изображении характера, а в показе эволюционирующих, взаимообусловленных и противоречивых его свойств.

«Канонический» стиль, конечно, дает себя знать, и мысль писателя нередко следует привычным шаблонам, однако в целом метод Пселла противостоит доминирующей в средние века системе подачи образов. Именно это, видимо, и заставляет ныне воспринимать Пселла как удивительно «современного» писателя.

Истоки столь неожиданного для писателя XI в. таланта нельзя усмотреть во влиянии античного наследия (хотя без него и не было бы Пселла),

нельзя ограничиться ссылкой и на одаренность художника. Немалую роль сыграла, видимо, особая духовная атмосфера, царившая в кружке элиты византийской интеллигенции, куда входил Пселл<sup>61</sup> и где образованность сочеталась с определенным, в рамках допустимого, вольно-мыслием, культом интеллекта и тем духовным превосходством над окружающими, без которого невозможно понимание людей и особенно изображение сложности и противоречивости их характеров. Это, однако, уже выходит за рамки настоящей статьи, целью которой было не столько объяснить, сколько показать.

---

<sup>61</sup> См.: *Я. Н. Любарский. Пселл в отношениях с современниками* (Иоанн Мавропод, Иоанн Ксифилин, Константин Лихуд), стр. 135 сл.